

УДК 321.64; 930.1

*И.Ф. Сергеевкова***НЕМЕЦКИЕ ИСТОРИКИ-ЭМИГРАНТЫ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА В 1940–1960-е гг.**

Научная эмиграция из нацистской Германии в США является объектом пристального внимания специалистов, изучающих развитие исторической науки США, в частности такого направления, как изучение истории Германии. В США до второй половины XX в. изучению истории европейских стран не уделялось должного внимания, за исключением нескольких исследований по истории Великобритании и Франции. Историки-эмигранты изменили ситуацию. В статье анализируются политические взгляды немецких историков, прибывших в США, после прихода к власти нацистов. Немецкие историки-эмигранты поделены на две группы: эмигранты «первой волны», получившие историческое образование в Германии и уже преподававшие в университетах, и эмигранты «второй волны», приехавшие в США с родителями и получившие образование в США. Правительство США создало условия не только для их материального обеспечения, но и предоставило возможность для продолжения научной и педагогической деятельности. Основная тема исследований историков-эмигрантов – причины прихода нацистов к власти. Важнейшие направления исследований: преемственность исторического пути развития Германии, так называемый «особый путь», причины гибели Веймарской республики, роль крупной буржуазии и армейского руководства, интеллектуальной элиты Германии в приходе Гитлера к власти, интеллектуальные истоки нацизма, идеи «консервативной революции», массовая культура. Историки-эмигранты первыми обратились к изучению проблем Холокоста. Показано влияние холодной войны и доктрины тоталитаризма на изучение проблем нацизма. Затрагиваются вопросы взаимодействия историков-эмигрантов с историками ФРГ и их влияние на модернизацию исторической науки Западной Германии.

Ключевые слова: историческая наука США, университеты, историки-эмигранты, изучение нацизма, «холодная война», западногерманские историки.

DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-483-502

Постановка проблемы

В XIX в. и первой половине XX в. в американской исторической науке доминировали проблемы истории США. Изучению европейских стран не уделялось должного внимания, за исключением нескольких исследований по истории Великобритании и Франции. После Первой мировой войны на изучении истории Германии было наложено негласное табу в связи с ростом в американском обществе германофобских настроений. Вторая мировая война резко усилила общественный и научный интерес к истории Германии. По мере приближения окончания войны в политических и научных кругах США стал остро обсуждаться вопрос о том, что делать с побежденной Германией, как добиться укоренения демократических институтов и как предотвратить возникновение новых реваншистских притязаний. В центре дискуссий стоял вопрос о том, кто несет ответственность за приход нацистов к власти: германская нация в целом или правящие классы, был ли национал-социализм логическим результатом прусско-германского милитаризма, или результатом развития немецкой культуры, или просто следствием захвата власти «бандой головорезов» [39. С. XI–XVII, XIV]. Президент Американской исторической ассоциации К. Дж. Хейс в докладе на ежегодном съезде историков в 1946 г. указал на небольшое число работ по истории стран Европы, охарактеризовав это явление «удивительным и парадоксальным». В то время, когда Соединенные Штаты отказались от экономического и военного изоляционизма, интеллектуальный изоляционизм усилился» [27. С. 203]. Он поставил перед исследователями задачу повысить внимание к европейской истории.

Последующие два десятилетия европейская история в целом и история Германии, в частности, переживали расцвет [84. С. 107]. В 1960-е гг. практически во всех крупных университетах США история Германии стала входить в учебные планы подготовки специалистов в области истории. Перемены были обусловлены следующими причинами: во-первых, стремлением ученых понять причины зарождения и прихода нацистов к власти; во-вторых, в США прибыла группа историков-эмигрантов из Германии; в-третьих, в распоряжении исследователей оказалась широкая источниковая база – трофейные документы нацистской Германии, вывезенные в США [83]; в-четвертых, холодной войной,

одним из идеологических инструментариев которой была «доктрина тоталитаризма», предполагавшая сравнительное изучение нацизма и социализма.

В США в последние годы вышло несколько работ, посвященных исследованию деятельности немецких историков-эмигрантов [4; 7; 13-15; 44; 78; 79]. В российской исторической науке этот сюжет не получил освещения. Цель данной работы – рассмотреть роль немецких историков-эмигрантов в становлении американской германистики, интерпретации нацизма и их роль в развитии трансатлантического сотрудничества историков США и ФРГ.

Эмигранты первой волны

Эмиграция из Германии началась сразу же после прихода нацистов к власти и резко увеличилась после принятия Рейхстагом в 1935 г. двух расистских (в первую очередь антиеврейских) законодательных актов – Закона о гражданстве Рейха и Закона об охране германской крови и германской чести. Из 143 ученых-историков, эмигрировавших из Германии преимущественно в США, обратно вернулись лишь 21.

В истории немецкой эмиграции можно выделить две волны. Первая волна была представлена историками, получившими образование в Германии, преподававшими в университетах, т. е. уже состоявшимися в профессии. Среди них следует выделить Г. Ротфельса, Г. Мазура, Д. Герхарда, Х. Холборна, Г. Пахтера, Ф. Гилберта и Г. Розенберга. В 1933 г. в США эмигрировали представители Франкфуртской школы: Т. Адорно, Г. Маркузе, Ф. Нейман, Э. Фромм и др.

Историки-эмигранты в большинстве своем были лицами еврейской национальности. По политическим взглядам их можно разделить на две группы. В первую группу входили историки, которые поддерживали нацистов, но вынуждены были покинуть Германию из-за своего еврейского происхождения. Историк Г. Мазур являлся членом Фрайкора и участвовал в капповском путче 1920 г. Близкие контакты с нацистами после 1933 г. поддерживал Г. Ротфельс. Он вырос в семье ортодоксальных евреев. Его отец некоторое время даже возглавлял еврейскую общину в Касселе. Г. Ротфельс участвовал в Первой мировой войне, был ранен и награжден за храбрость Железным Крестом второй степени. В 1926 г. он стал профессором истории в Кёнигсбергском университете в Восточной Пруссии, и научным руководителем самых многообещающих молодых историков Т. Шидера и В. Конце, которые позже консультировали нацистское правительство по вопросам подготовки планов выселения поляков, передаче освобожденных территорий немецким поселенцам и освобождения Восточной Европы от присутствия евреев. Г. Ротфельс активно поддерживал их деятельность, выступая за отмену Версальского договора, за изменение границ Германии за счет территорий на Востоке, где немцы, по его мнению, культурно превосходящие другие народы, должны были доминировать. Тем не менее в 1934 г. он был отстранен от преподавания в университете из-за своего еврейского происхождения. Г. Ротфельс предпринял попытку стать почетным арийцем (как участник Первой мировой войны), но дважды получал отказ от нацистских чиновников. В августе 1939 г. он вынужден эмигрировать в Англию, а затем, в 1946 г., в США, где получил должность профессора в Чикагском университете. Хотя Г. Ротфельс стал гражданином Соединенных Штатов, он так и не смог ассимилироваться.

Вторая группа включала историков, вынужденных покинуть Германию не только из-за национальной принадлежности, но и политических убеждений. Как, например, А. Розенберг, разделявший социальные идеи марксизма. В начале 1920-х гг. он был депутатом Рейхстага от КПП, но порвал с партией, когда на VI Конгрессе Коминтерна была провозглашена тактика «класс против класса». Г. Пахтер также был членом КПП, но затем перешел на сторону СДПГ. После прихода А. Гитлера к власти он выпускал небольшую газету под названием «Пролетарское движение», призывавшую к созданию Народного фронта. Вскоре ему пришлось бежать во Францию, а затем в США. Х. Холборн был активным сторонником СДПГ и горячо поддерживал Веймарскую республику.

Историки первой волны преимущественно были выпускниками Берлинского университета и учениками Ф. Майнеке. Маститый немецкий историк был приверженцем ортодоксальной прусской исторической традиции, но постепенно отошел от односторонней концентрации на политической истории, обратившись к изучению политических идей. Он был горячим сторонником войны 1914 г., монархии, тем не менее вместе с небольшой группой интеллектуалов, включая М. Вебера и Э. Трельча, поддержал Веймарскую республику. В 1920-е гг. в академической среде большинство профессоров выступали против демократии и разделяли антисемитские предрассудки, от которых сам Ф. Майнеке не был полностью свободен, но он был готов работать с молодыми учеными, имевшими иные политические

взгляды. Многие ученики Ф. Майнеке были приверженцами демократии, не разделяли ортодоксальную прусскую привязанность к идее сильного государства и уделяли больше внимания роли социально-экономических факторов в истории.

Эмигранты второй волны

Историки-эмигранты второй волны родились в Германии, но вместе с родителями вынуждены были ее покинуть. Высшее образование они получили в США. Это очень важно, так как их американизация произошла на той стадии жизни, когда идет формирование собственной идентичности. Они пережили глубокий разрыв со своей родиной, будучи немцами, они стали американцами. Большинство историков второго поколения служили в вооруженных силах США, главным образом в Европе. Владея немецким языком, многие из них прошли обучение в Учебном центре военной разведки в Кэмпе Ричи в штате Мэриленд. Им было поручено проводить допросы пленных на передовой, анализировать немецкие документы, готовить материалы к Нюрнбергскому процессу. Некоторые будущие историки также служили в оккупационных войсках США в Германии. Теперь они оккупировали ту страну, из которой им едва удалось сбежать всего несколько лет назад. Это свидетельствовало о том, что они больше не были немцами. Все историки второй волны получили докторские степени в США. Большинство из них были выпускниками Гарвардского, Колумбийского и Чикагского университетов. Несколько человек получили ученую степень в Йельском университете, Стэнфорде и Беркли. Это означало, что они получили высшее образование в образовательной среде, в которой доминировали ценности западной цивилизации. Для некоторых из них западная цивилизация оставалась страстью на всю жизнь. Профессор Чикагского университета К. Вайнтрауб, например, был легендарным преподавателем курса «Западная цивилизация». Студенты проводили ночи в очереди, ожидая регистрации на его курс. Даже в последующие десятилетия, когда курс утратил свою актуальность, К. Вайнтрауб пытался сохранить его. Обосновывая свою настойчивость, он писал в автобиографии, вспоминая время, когда был подростком в оккупированной нацистами Голландии: «У меня было достаточно много времени жить без цивилизации» [60]. В начале 1950-х гг. начали свою академическую карьеру Дж. Моссе, К. Эпштейн, Г. Гацке, П. Гей, Ф. Штерн, Г. Вайнберг и Г. Иггерс. Будучи эмигрантами второй волны, эти историки стали первым поколением американских исследователей европейской истории, и прежде всего германской. Ф. Штерн в своих мемуарах пишет, что когда он впервые стал преподавать, книг по истории Германии практически не было. «Какая замечательная возможность для моего поколения!» – восклицает он [80. С. 160].

Историки-эмигранты второй волны в основном сосредоточились на изучении интеллектуальной истории, истории культуры и Холокосте. Утверждение Х. Холборна о том, что «раскол между Германией и Западом всегда будет важной темой для историков», стал для исследователей второй волны стимулом для поиска причин особого пути развития Германии [78]. Кроме того, они стали неумолимыми посредниками в трансатлантическом диалоге между немецкими и американскими историками.

Отношения между историками эмигрантами первой и второй волны были весьма противоречивыми. Многие историки второго поколения поддерживали тесные связи с историками первой волны – Х. Холборном, Ф. Нейманом, автором широко известной книги «Бегемот» политологом А. Бергштрассером, Э. Ауэрбахом, Ф. Гилбертом, Э. Панофски и другими исследователями. Но были и другие отношения. Об этом пишет профессор Университета штата Нью-Йорк в Б. Г. Иггерс: «Мне показались очень полезными два небольших семинара Ганса Ротфельса... Впервые я вынужден был тщательно изучать документы, чего не делал во время моего предыдущего обучения. Тем не менее у меня был очень неприятный обмен мнениями с ним... Ротфельс не скрывал своих правых и националистических прусско-германских взглядов, и я бросил ему вызов... Он позвонил мне в офис и сказал, что, хотя он провел со мной два семинара, у меня нет понимания истории и с моими взглядами я не должен заниматься докторской диссертацией». Г. Ротфельс, был встревожен, что Г. Иггерс, чьи взгляды не совпадали с его, может написать историю своей родной страны в Соединенных Штатах и надеялся прервать его карьеру [15. С. 58].

Историки второй волны предпочитали не учиться у своих старших коллег; по их мнению, это могло поставить под угрозу их способность писать «объективную» историю и создать повод для обвинений в пристрастных взглядах на историю Германии.

По своим политическим предпочтениям большинство историков второй волны были либералами. Они твердо верили в важность прав и свобод, критиковали расовую сегрегацию, разнуданный

антикоммунизм маккартистов, считали необходимым для защиты демократии проявлять гражданскую политическую активность. Так, например, Г. Иггерс активно участвовал в движении за расовое равенство. Ф. Стерн в 1960-е гг. участвовал в антивоенном движении и в студенческих протестных акциях в Колумбийском университете. П. Гей считал, что исследование проблем фашизма в Европе поможет лучше понять собственных доморожденных фашистов [43. С. 143].

Академическая карьера в США

Начать академическую карьеру в США для эмигрантов было нелегко. В американских университетах присутствовали ксенофобия, антисемитизм и снобизм. После начала Второй мировой войны эти настроения резко пошли на спад [82. С. 3].

Самым успешным среди историков-эмигрантов первой волны был Х. Холборн. В 1934 г. он получил работу в Йельском университете, где преподавал более трех десятилетий. Так же как и многие другие историки, Х. Холборн был аналитиком отдела разведки в Управлении стратегических служб в Вашингтоне (на ее основе после войны будет создано ЦРУ) [63]. В 1967 г. Х. Холборн был избран президентом Американской исторической ассоциации. Он стал четвертым президентом из ученых иностранного происхождения, занимавших эту должность. Под руководством Х. Холборна было подготовлено более пятидесяти диссертаций. Его ученики сыграют большую роль в развитии германистики в США в 1950–1980-е гг. Среди них Г.К. Мейер, Л. Кригер, О. Пфланце, Т. Хамероу, А. Майер и Ч. Макклелланд. Трехтомная «История современной Германии», написанная Х. Холборном, вошла в список обязательной литературы для всех аспирантов американских университетов. Во введении он писал: «Мое превращение в американца дало мне более глубокое понимание Германии. Еще более важным было мое стремление оценивать исторические явления в сравнении» [31. С. X]. В Йельском университете с 1946 по 1962 г. преподавал ученик Х. Холборна Л. Кригер, перешедший затем в Чикагский университет.

Как и Х. Холборн, учеником Ф. Майнеке был Д. Герхард, получивший должность профессора в Вашингтонском университете, где он преподавал до своей отставки в 1965 г. В 1955 г. он стал профессором американистики и возглавил Американский институт в Кёльнском университете. В 1961 г. Д. Герхард занял должность директора вновь созданного Института истории общества Макса Планка в Гёттингене. Среди эмигрантов первой волны у Д. Герхарда была самая широкая сфера научных интересов – история США и история Германии. В Кельне он преподавал американскую историю, а в Сент-Луисе – европейскую. Как член Института перспективных исследований Д. Герхард много сделал для организации научных стажировок молодых немецких историков в США.

Благодаря влиянию О. Кирххаймера и Ф. Неймана, уже сделавших академическую карьеру в США, должность консультанта Института международных отношений и Управления военной информации получил Г. Пахтер. Позднее он стал научным сотрудником Бюро европейских экономических исследований, которое было филиалом Управления стратегических служб, и именно для этой организации он написал свою небольшую книгу о нацистской риторике «Нацисты-немцы». Впоследствии Г. Пахтер преподавал в Новой школе социальных исследований Городского колледжа Нью-Йорка и Университете Рутгерса [9].

К эмигрантам второй волны относится Х.В. Гацке. С 1947 г. по 1964 г. преподавал в Университете Джона Хопкинса. Х.В. Гацке не был ни евреем, ни левым по своим политическим взглядам. В 1934 г. после окончания средней школы он был удостоен стажировки в США Германской службой академических обменов. Затем он продолжил обучение в Германии, но в 1937 г. эмигрировал в Соединенные Штаты, поняв, в каком направлении движется Германия. Вторая мировая война прервала его обучение в Гарвардском университете, он был призван на военную службу. В 1947 г. Х. Гацке была присвоена степень доктора наук. После семнадцати лет преподавания в Университете Джона Хопкинса он получил должность профессора в Йельском университете, где работал вместе с Х. Холборном. Х. Гацке специализировался на изучении истории внешней политики и дипломатии. В 1950 г. он опубликовал монографию «Натиск Германии на Запад: Исследование военных целей Германии в годы Первой мировой войны», в которой предвосхитил выводы Фрица Фишера и его учеников, сделанные в 1960-е гг. Неудивительно, что его работа так и не была переведена на немецкий язык [21].

На Среднем Западе центром изучения истории Германии стал Университет Миннесоты, где работали Г.С. Дойч и Л. Стифель. Г. Дойч также занимал должность начальника отдела политических исследований Европы, Африки и Ближнего Востока в Управлении стратегических служб США, а по-

сле окончания войны участвовал в допросах немецких заключенных, многие из которых впоследствии были осуждены на Нюрнбергском процессе и казнены за военные преступления.

Ведущим специалистом по истории Германии в Университете штата Огайо с 1929 по 1956 гг. был У.Л. Дорн. Во время Второй мировой войны У.Л. Дорн служил в Управлении стратегических служб США, а после войны стал личным советником американского генерала Л.Д. Клея – главы администрации американской зоны оккупации послевоенной Германии, во время реализации программы денацификации. В 1950-х гг. У.Л. Дорн был членом Американского комитета по изучению военных документов, а в 1956 г. он переехал в Колумбийский университет, где преподавал до своей смерти в 1961 г. и занимался изучением истории Пруссии XVIII в. [73. С. 240]. В середине XX в. изменилась специализация университета Мэдисона, бывшего до этого времени центром изучения истории США. Историки-эмигранты Дж.Л. Мосс, Т. Хамеров и Р. Коэль превратили Мэдисон в один из самых знаменитых научных центров по изучению современной истории Германии. В университете Мэдисона трудился Ч. Ишум, специалист по истории Германии XVIII–XIX вв., в 1954–1956 гг. назначенный атташе по культуре в посольстве США в ФРГ. В то время Мэдисон характеризовался как центр левых в американской исторической науке.

Вероятно, еще более влиятельным в политическом отношении, чем Ч. Ишум, был О.П. Хейл, преподававший в Университете Вирджинии с 1929 по 1972 г. [88]. О.П. Хейл, как и многие его коллеги, во время Второй мировой войны работал в военной разведке. После окончания войны он присоединился к команде Дж.Н. Шустера для интервьюирования высокопоставленных нацистов, включая Г. Геринга, И. фон Риббентропа и К. Деница. В 1950-х гг. О.П. Хейл был назначен первым заместителем государственного комиссара, затем государственным комиссаром Баварии. В этом качестве он работал с Верховной комиссией США по делам Германии и курировал реализацию Плана Маршалла в Баварии, а также дела беженцев и перемещенных лиц. После возвращения в Соединенные Штаты он работал в американском комитете по изучению военных документов, а затем в ассоциации по истории Центральной Европы (где с 1964 г. был председателем) и в журнале «История Центральной Европы», издаваемом ассоциацией (был членом Совета редакторов). На протяжении всей своей карьеры О.П. Хейл особенно интересовался ролью СМИ в политике. Он опубликовал два исследования о десятилетиях, предшествовавших Первой мировой войне, а затем анализ «Прессы в нацистской Германии», на основе бесед с М. Аманом, имперским руководителем печати в нацистской Германии [25].

Историк П. Гей получил должность в Колумбийском университете, который был противоположностью университета Мэдисона, здесь приступили к написанию «консенсусной истории», которая характеризовалась акцентом на уникальное развитие США, национальное единство и превосходство перед лицом коммунистической угрозы.

В 1941 г. кафедру в университете Беркли получил Р. Сонтаг, специалист по дипломатической истории Европы. Р. Сонтаг с 1946 по 1949 г. занимал пост главного редактора Американского комитета по изучению военных документов. Университет Беркли превратился в центр по изучению истории Германии в конце 1960-х гг., когда там стали преподавать Г. Розенберг, К. Шорске и Дж. Фельдман.

Было бы неправильно утверждать, что историки-эмигранты первой и второй волны имели монополию на историю Германии. Хотя они формировали поле современной немецкой истории, но делали это вместе с коллегами – американскими историками, такими как Г. Крейг, Л. Кригер, О. Пфланце и К. Шорске, У. Лангер, Дж. Снелл, С.Б. Фэй.

В Гарварде историю Германии преподавали У. Лангер и С.Б. Фэй. У.Л. Лангер специализировался на изучении международных отношений, но проявлял интерес к истории современной Германии. Он консультировал нескольких аспирантов, работавших в этой области. Во время Второй мировой войны У. Лангер возглавлял отдел исследований и анализа Управления стратегических служб [34]. Эта группа подготовила ряд разработок по организации и осуществлению оккупационной политики в Германии; позже она участвовала в подготовке Нюрнбергского процесса [17]. У.Л. Лангер также редактировал чрезвычайно успешную серию учебников – «Подъем современной Европы» (The Rise of Modern Europe).

Известность С. Фэю принесла его двухтомная монография «Происхождение Первой мировой войны», вышедшая в 1929 г. С. Фэй пришел к выводу, что в развязывании войны виноваты все европейские державы, создавшие систему тайных союзов, разделивших Европу после франко-прусской войны на два противоположных лагеря: Тройственный союз и Антанта, но особую вину он возлагал на Австро-Венгрию, Сербию и Россию. С. Фэй подчеркивал, что «Германия не замышляла европей-

скую войну, не хотела ее и прилагала подлинные, хотя и слишком запоздалые усилия, чтобы ее предотвратить» [18. С. 553]. Хотя взгляды У.Л. Лангера и С. Фэй по многим проблемам истории Германии не совпадали, но они оба выступали против интерпретации нацизма как неизбежной кульминации длительного отклонения Германии от развития западной цивилизации, представленной в работе американского историка В.М. Макговерна «От Лютера до Гитлера», опубликованной в 1941 г. [49]. В последующих публикациях У. Лангер и С. Фэй выступали против отождествления нацистов со всем немецким народом, настаивая на необходимости различать членов нацистской партии, их активных сторонников и запуганных противников. С. Фэй перевел эссе Ф. Майнеке «Немецкая катастрофа» на английский язык. В предисловии к изданию, опубликованному в 1963 г., С. Фэй подчеркивал достижения Ф. Майнеке, предоставившего краткий, но пронизательный отчет о пути Германии к национал-социализму: «он не стремится ни оправдать, ни осудить, но понять. И, как хороший историк, Ф. Майнеке видит вещи не чисто белыми или черными, а как слияние светлых и темных оттенков в серой паутине истории» [50. С. VII].

Создание специализированных журналов

Институциональным свидетельством растущего внимания к истории Германии стало создание в 1955 г. Ассоциации групп по истории Центральной Европы (далее – Ассоциация). Ассоциация была создана Американским комитетом по изучению военных документов и их микрофильмированию. В нее вошли такие историки и политологи, как К.Фридрих, К. Пинсон, Р. Сонтаг, Ф. Эпштейн и В. Дорн. По инициативе Х. Кона и Дж.В.Ф. Хальгартена Ассоциация в 1957 г. вошла в состав Американской исторической ассоциации.

Важным институтом, организующим научное сообщество историков-германистов и направляющим исследовательский процесс, стали научные журналы. «Американское историческое обозрение» (*American historical review*), издаваемое Ассоциацией американских историков, хотя и размещало небольшое число статей по истории Германии, но печатало рецензии практически на все работы по германской истории, изданные в США и за рубежом. Вторым крупным изданием стал «Журнал современной истории» (*Journal of modern history*), активно дискутировавший в послевоенный период вопрос о причинах прихода нацистов к власти. В 1939 г. Университет Нотр-Дам стал выпускать журнал «Обзор политики» (*Review of Politics*). Большинство номеров журнала в первые послевоенные годы содержали статьи, посвященные поиску причин зарождения нацизма и приходу Гитлера к власти. Кроме того, в журнале были представлены обзоры новейшей американской и немецкой литературы по проблемам современной Германии. «Обзор политики» по отбору материалов для публикации был более консервативным по сравнению с «Американским историческим обозрением» и «Журналом современной истории». Другим важным изданием был «Журнал Центрально-европейских событий» (*Journal of Central European Affairs*), основанный в 1940 г. За двадцать три года своего существования журнал опубликовал значительное число статей по истории Германии конца XIX и начала XX вв. В журнале также освещались ежегодные конференции немецких историко-краеведческих ассоциаций. Через два года после того, как «Журнал Центрально-европейских дел» прекратил свою деятельность, Ассоциация по истории Центральной Европы и Северной Америки решила спонсировать новый журнал – «История Центральной Европы» (*Central European History*).

Журнал «Мировая политика» (*World policy*), созданный в 1948 г. Йельским институтом международных исследований, был междисциплинарным изданием, представляющим работы политологов, историков, социологов и рецензии на исследования, посвященные проблемам современной Германии.

Начало дискуссии о проблемах нацизма и «другой Германии» в первые послевоенные годы

Первые послевоенные годы в американской исторической науке отмечены рядом работ, представлявших тезис о преемственности немецкой истории и ответственности за нацизм армии и представителей крупного бизнеса. «Существовала полнейшая гармония их интересов», – пишет известный американский историк Ф.Т. Миллер [52. С. 58].

В Западной Германии первую попытку осмыслить нацистскую эпоху предпринял в 1946 г. Ф. Майнеке в сочинении «Немецкая катастрофа». Его работа сразу же вызвала широкую научную дискуссию в научных кругах США. Ф. Майнеке осуждал нацизм, указывал на крупных промышленников и финансистов, которые в наибольшей степени содействовали становлению Третьего рейха и

стали воплощением «зловонного пруссачества и милитаризма». Однако в «Немецкой катастрофе» были характеристики нацизма как проявления «сатанинского принципа в мировой истории», как «дьявольского начала в человеческой и исторической жизни», свидетельства того, что автор по-прежнему был националистом, нечувствительным к бедственному положению евреев в Германии, убежденным в том, что управление всегда должно быть прерогативой представителей элитарных групп. Для американской общественности это означало полное непонимание современной демократии. Рассуждая в русле диалектики национального духа, Ф. Майнеке, по мнению американского историка Ю. Андерсона, предоставил немцам своего рода фаталистическое алиби [1. С. 151-153]. Другой рецензент Л. Снайдер отметил, что Ф. Майнеке повторил все прекрасные идеи западного либерализма, но оказался неспособным отбросить стойкие немецкие традиции авторитаризма, дисциплинированности, подчинения и расовых предубеждений. Л. Снайдер отклонил фаталистические аргументы Ф. Майнеке, охарактеризовав автора как «неспособного сделать необходимые выводы о нацизме и пытающегося выдвинуть новую теорию удара в спину» [77. С. 231-232]. Г. Крейг с сожалением отмечал, что «книга разочаровывает», Ф. Майнеке не хочет признать тот факт, что нацизм был логическим следствием развития Германии в XIX в. Он выразил озабоченность попыткой немецкого историка возложить ответственность за нацизм и его преступления на силы, которые не поддаются человеческому контролю. Г. Крейг рассматривал теорию фатализма в работе Ф. Майнеке как попытку снять с немецких государственных деятелей и народа всю ответственность за их преступления [10]. В эссе Х. Холборна «Немецкий идеализм в свете социальной истории» подчеркивалась моральная ответственность всех людей и всех народов за их решения [32].

Резкую критику американских историков получило заявление западногерманского историка Г. Риттера о нацизме как «австрийско-баварском импорте», а не «итоге развития прусско-германского разума» [24. С. 788]. Оценки, представленные в работах немецких историков, подвергнутые столь суровой критике американскими исследователями, тем не менее получили широкую поддержку в исторической науке Западной Германии в 1940–1950-е гг. Немецкие историки старались избегать вопросов о преемственности захватнической внешней политики германского милитаризма XIX–XX вв. и рассматривали фашизм как «провал» в немецкой истории.

Еще одной актуальной и обсуждаемой проблемой в первые послевоенные годы стало движение Сопrotивления в Германии. Обращение к проблемам Сопrotивления имело глубокий политический подтекст. История Сопrotивления стала средством опровержения концепций ряда американских и английских историков, разделявших мнение о вине всех немцев за нацизм. Исследование проблем Сопrotивления должно было продемонстрировать существование «другой Германии», которая мужественно противостояла фашистской тирании.

В 1940 г. был опубликован яркий публицистический текст Клауса и Эрики Манн «Другая Германия» [47]. Цель книги – убедить англоязычную публику в существовании «другой Германии», которая не приняла нацистскую диктатуру. Ярким доказательством тому была эмиграция большого числа немецких интеллектуалов после 1933 г. Согласно их концепции именно эмигранты представляли настоящую немецкую культуру, с которой боролись нацисты. Книга была встречена весьма холодно и не вызвала читательского интереса, так как шла война.

После окончания войны тема «другой Германии» приобрела актуальность. В 1946 г. была издана статья американского историка Ф. Форда «Двадцатое июля в истории немецкого Сопrotивления» [19]. Автор во время войны был сотрудником Управления стратегических служб, а после капитуляции Германии изучил материалы, связанные с заговором 20 июля 1944 г., беседовал с выжившими участниками антигитлеровской оппозиции. Ф. Форд рассматривал заговор как попытку консервативных сил, в свое время помогавших Гитлеру прийти к власти, спасти «то, что еще можно было спасти в Германии, – промышленность и существующий социальный порядок» [19. С. 625]. Ф. Форд подчеркивает, что участники заговора были отнюдь не немецкими патриотами. После понесенных военных потерь под Сталинградом и при Эль-Аламейне они поняли неизбежность поражения и больше всего боялись большевизации Германии.

В противовес Ф. Форду в 1948 г. опубликовал свое исследование («Немецкая оппозиция Гитлеру: оценка») Г. Ротфельс [67]. Он хотел показать наличие «другой Германии» и опровергнуть тезис о том, что консервативные круги поддерживали Гитлера. Г. Ротфельс считал, что исследователи и средства массовой информации США сознательно стремятся принизить значение оппозиции Бека-Гёрделера, чтобы обвинить всех немцев в ответственности за нацистские преступления и тем самым обосновать

новые границы Германии, зафиксированные на Потсдамской конференции. Концепция Г. Ротфельса основывалась на том, что причины заговора не следует рассматривать с точки зрения политической целесообразности, они находятся в метафизической и религиозной сфере. Участники Сопrotивления взяли на себя ответственность за преступления, совершенные от имени Германии. Они «жили и умерли за идею искупления» и видели «мученичество как покаяние во имя немецкого народа» [67. С. 132]. Г. Ротфельс отверг тезис о том, что участники заговора 20 июля 1944 г. были группой реакционных юнкеров. Заговорщики руководствовались чувствами христианского благочестия, боролись против тоталитарной диктатуры с целью восстановления верховенства закона и справедливости. Г. Ротфельс сознательно замалчивает антидемократические элементы в конституционных планах будущей Германии, составленных К. Гёрделером и другими консервативными оппозиционерами.

Книга Г. Ротфельса нашла восторженный отклик в Западной Германии, когда он отправил копии бывшим коллегам в 1948 г. Однако многие ветераны вермахта, которые сражались до самого конца, считали участников заговора нарушители присяги и предателями.

Точку зрения Ф. Форда поддержал Г. Крейг, высказав весьма объективные суждения об участии немецкого генералитета в заговоре. «Они продемонстрировали виртуозную технику ведения боевых операций, но ... так и не проявили морального мужества, духовной независимости и глубокого патриотизма». Он приводит сведения, компрометирующие генералитет фашистской Германии. Так, фельдмаршал Манштейн «летом 1942 г. информировал агентов Бека о том, что может со временем присоединиться к борьбе генералов, но сначала он хочет завоевать Севастополь, что принесет ему еще одну награду» [12. С. 502].

Исторический подход Х. Холборна к Сопrotивлению вытекал из его тесных связей с социал-демократической партией. Он писал о том, что самая ранняя оппозиция национал-социализму исходила от политических партий, которые боролись против прихода Гитлера к власти. Огромные потери, понесенные социал-демократическим и коммунистическим движениями в результате нацистского террора и арестов, загнали их в подполье и концлагеря. Эту оценку Х. Холборн озвучил на ежегодном съезде Американской исторической ассоциации [30].

Дебаты первых послевоенных лет свидетельствовали о принципиальном отличии оценок нацизма и представителей «другой Германии» в исследованиях историков США и Западной Германии.

Влияние холодной войны на исследование проблем нацизма

С конца 1940-х гг. в США начинается «охота на красных», инициатором которой стал Дж. Маккарти. О том, какое место отводилось исторической науке в арсенале холодной войны, свидетельствует, в частности, письмо президента Американской исторической ассоциации К. Рида, опубликованное 22 декабря 1950 г. в «Американском историческом обозрении». Он призвал историков внести свой вклад в борьбу против «угрозы коммунизма»: «Тотальная война, холодная она или горячая, обязывает всех принять в ней участие. Историки не свободны от своих обязанностей, так же как и физики» [61]. В университетах США создаются центры по изучению СССР и стран Восточной Европы, проводившие исследования, призванные служить практическим целям – «защите либерального мирового порядка» [82. С. 97]. Консервативные историки настаивают на увольнении из университетов всех «левых» профессоров. В учебных заведениях создаются агентурные сети ФБР, студенты и преподаватели должны были добровольно предоставлять в ФБР информацию о своих сокурсниках, друзьях и коллегах. Таким осведомителем, например, был немецкий эмигрант аспирант Генри Киссинджер [9. Р. 72].

Доктрина тоталитаризма получила широкое признание среди американских интеллектуалов еще до того, как США вступили в войну. После ее окончания она приобрела теоретическую разработку в книгах Х. Арендт «Происхождение тоталитаризма» [3] и К. Фридриха, З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия» [20]. Доктрина предполагала существование сходства между коммунизмом и национал-социализмом и усиливала страх американцев перед «красным фашизмом». Мнение значительной части немецких историков-эмигрантов об атмосфере, царившей в США, передал известный немецкий писатель Томас Манн: «Это уже не та страна, в которую мы приехали» [90. С. 174]. Профессор Нью-Йоркского колледжа Х. Кон еще в 1935 г. выступил против отождествления идеологии фашизма и коммунизма [37]. Профессор Колумбийского университета П. Гей подверг резкой критике работу Х. Арендт за создание формальной схемы, под которую должны подгоняться исследования фашизма и коммунизма. О Х. Арендт он говорил: «Мне не нравилось то, что она

написала, она была плохим историком. Она обобщала как сумасшедшая» [42. С. 95]. Несмотря на атмосферу страха и запугивания, ряд либеральных мыслителей в 1950-е гг. обнаружили в Соединенных Штатах «мягкий» тоталитаризм, параллельный «жесткому» тоталитаризму, приписываемому нацистской Германии и Советскому Союзу [53. С. 85-106, 190].

С утверждением о несостоятельности доктрины тоталитаризма выступил А. Мейер [51].

Но, несмотря на все недостатки, доктрина тоталитаризма побудила историков по обе стороны Атлантики исследовать такие вопросы, как способы мобилизации масс, роль правящей элиты, структура нацистского режима, значение идеологии, аппарат насилия. Актуальным методом изучения нацизма становится психоанализ, позволявший провести параллели между немецкой и американской культурой эпохи нацизма и маккартизма, и обращение к изучению культуры. О. Фланце писал: «Психоанализ позволяет исследователю понять влияние иррационального и бессознательного на историю» [64. С. 12]. По мнению П. Лоувенберга, значение метода психоанализа возрастает в связи с тем, что «для XX века характерен чрезвычайный рост политического и персонального иррационализма, который соответствует степени роста современных технологий». Только психоанализ, пишет автор, может лучше понять «динамику тоталитаризма» [46. С. 1459].

Особый путь Германии (Sonderweg)

Теорию особого пути развития Германии выработали немецкие историки в конце XIX в. Она подчеркивала отличие Германии от стран Запада и имела положительную коннотацию. В послевоенный период теория приобрела отрицательную характеристику. В Западной Германии историки предпочитали умалчивать о преемственности исторического развития. Напротив, в США многие исследователи при рассмотрении причин возникновения нацизма обратились к изучению германской истории XIX в. В 1955 г. вышла книга Г. Крейга «Политика прусской армии». Автор анализирует результаты военных реформ в Пруссии в начале XIX в., укрепившие позиции армии, ставшей самым сильным противником политических перемен. По словам Г. Крейга, назревшие политические реформы не были проведены, поэтому «последующее политическое развитие Пруссии и Германии зависело в гораздо большей степени, чем в любой другой стране, от организации армии, ее связей с суверенной властью и волей ее лидеров» [12. С. XIV-XV]. Он критиковал тех, кто рассматривал нацизм как кульминацию немецкого национального характера, и тех кто утверждал, что нацистская Германия была всего лишь «технической аварией» (Betriebsunfall). Г. Крейг считал, что создание Германской империи «железом и кровью» О. фон Бисмарком в 1871 г. было величайшей трагедией, поскольку «объединение сверху» создало условия для укоренения авторитарной политической системы. Автономную роль немецкой армии как «государства в государстве» Г. Крейг оценивал как крайне неблагоприятную для развития демократии. В конечном итоге, подчеркивает историк, политическая жизнь Германии стала характеризоваться «авторитарным правлением, милитаризмом и агрессией» [12. С. XIII]. Оценивая поведение немецкого военного руководства в решающие 1933 и 1934 гг., Г. Крейг считал, что у генералов отсутствовали «какие-либо следы морального мужества, духовной независимости и глубокого патриотизма, которые отмечали карьеру таких великих солдат прошлого, как Г. фон Шарнхорст, А. фон Гнейзенау» [12. С. 503].

Аналогичная интерпретация особого пути Германии представлена в работе ученика Х. Холборна – У. Саймона. Он оценил реформы в Пруссии в начале XIX в. как неудачные. Далекими последствиями провала реформ стали: выживание «авторитаризма в политической сфере» и «феодализма в социальной структуре», которые «заложили основу для последующего “министерского абсолютизма” Бисмарка» [73. С. 240].

В 1945 г. была опубликована диссертация У. Шанахана, защищенная в Колумбийском университете. Автор также рассматривал вопрос о сильном политическом влиянии прусской армии, о том, как военному руководству удалось обойти военные ограничения, наложенные на Пруссию Парижским договором 1808 г. После Первой мировой войны, утверждал У.О. Шанахан, союзники не извлекли уроки из прошлого, и в 1920–30-е гг. Германия вновь быстро восстанавливает свой военный потенциал. У.О. Шанахан выразил надежду, что в 1945 г. «его интерпретация... может помочь разработать более действенные средства сдерживания немецких военных амбиций» [72. С. 7].

В отличие от У. Саймона и У.О. Шанахана, прослеживающих развитие Пруссии с начала XIX в., профессор университета Небраска, руководитель отдела Центральной Европы Управления стратегических служб Ю.Н. Андерсон сосредоточил внимание на борьбе либеральных и консервативных сил в

парламенте Пруссии в конце 1850-х – начале 1860-х гг. по вопросам реформирования полицейского государства, армии, ликвидации сословий, проведения экономических преобразований [2]. Ю.Н. Андерсон справедливо замечает, что либералы решительно ослабили себя, цепляясь за элитарное понимание политики и, следовательно, за сохранение трехклассной системы голосования, являвшейся оплотом консерватизма и реакции, вместо того чтобы искать массовую поддержку, которая заставила бы парламентариев поддержать введение всеобщего избирательного права. Поражение либералов, считает автор, предрешило дальнейшие события в истории Германии.

Среди историков США остро дебатировался вопрос о наследии О. фон Бисмарка. Фундаментальную биографию «железного канцлера» написал профессор Нью-Йоркского университета О. Пфланце. Его работа была не просто «другой биографией Бисмарка», а политической историей Германии в решающие годы (с 1815 по 1871 год), в которой оценивалась роль О. фон Бисмарка в событиях, которые, по мнению автора, проложили путь к катастрофам XX века. Важное место в историческом исследовании заняла проблема объединения Германии «сверху», связанная с интересами отдельных групп общества – юнкерства и прусской армии. О. Пфланце показал процесс трансформации патриотизма в пангерманизм, который ничего общего не имел с либеральным национализмом начала XX в. О. Пфланце пришел к выводу: «...Немецкие консерваторы ... сами стали пленниками националистических настроений, с помощью которых они стремились увеличить народную поддержку... Из этой несчастной химии, существовавшей более века, возник национал-социализм. Многие были химиками, которые по неведению приложили руку к его созданию. Бисмарк, безусловно, был одним из них» [62. С. 566].

Опираясь на теорию бюрократии М. Вебера, профессор Калифорнийского университета в Беркли Х. Розенберг в работе «Бюрократия, аристократия и самодержавие: Опыт Пруссии 1660–1815» исследует властную элиту Пруссии, в которую входили высшие чиновники, офицерский корпус и крупные землевладельцы [65]. Эта особая статусная группа стремилась предотвратить распространение либеральных идей. Используя демократические технологии, нечестный компромисс с либералами, националистическую пропаганду, им удалось, считает Х. Розенберг, сохранить свое влияние в индустриальную эпоху и увековечить авторитарные традиции и привести к власти А. Гитлера. По мнению автора, в разрушении либерализма в Германии большую роль сыграли философы и историки, начиная с Г.В. Гегеля и Л. фон Ранке.

В работе «Великая депрессия и время Бисмарка. Экономический процесс, общество и политика в Центральной Европе» Х. Розенберг обратился к изучению экономического развития Пруссии с 1873 по 1896 г. [66]. Он использует теорию длинных волн Н. Кондратьева, чтобы показать взаимосвязь экономики и политики. Хотя работа была подвергнута суровой критике многими экспертами, Х. Розенбергу удалось убедительно показать, что увеличение зерновых тарифов в период экономического спада в 1878–1879 гг. имело далеко идущие последствия, позволив юнкерству не только выжить экономически, но и усилить свое политическое влияние, сохранив власть после Ноябрьской революции 1918–1919 гг. Значение работ Х. Розенберга для западногерманской и американской историографии было высоко оценено историками. Он был первым исследователем, обратившимся к социологическим и экономическим теориям, отказавшись от глубоко укоренившейся традиции «примата внешней политики». Немецкий историк Г. Винклер статью, посвященную Х. Розенбергу, назвал «Пионер в области исторических исследований» [89].

Интеллектуальные и культурные корни нацизма

Большой вклад немецкие историки-эмигранты внесли в изучение интеллектуальной и культурной истории Германии. В США историки и философы обратились к исследованию истории идей еще в начале 1920-х гг. Профессор философии Университета Джона Хопкинса в Балтиморе А.О. Лавджой в 1920 г. вместе со своим коллегой Дж. Боасом основал «Клуб истории идей», к работе в котором привлек многих выдающихся философов и историков. В 1940 г. А.О. Лавджой основал «Журнал истории идей», ставший форумом для «новой» дисциплины. Он отрицал необходимость изучения идей в историческом контексте, утверждая, что логика является одним из наиболее важных действующих факторов в истории мысли. А.О. Лавджой предостерегал исследователей от попыток изучения иррационального. Поэтому поводу Дж. Моссе писал: «Какими странными и изолированными были даже такие американские интеллектуальные в 30-е годы! Поскольку большая часть мира была во власти иррациональных систем» [54. С. 72]. По мнению Дж. Моссе, англосаксонским ученым было трудно

понять национал-социализм, так как «они всегда ищут логически последовательную политическую теорию» [55. С. 108].

В отличие от А.О. Лавджоя, немецкие историки-эмигранты считали, что идеи являются «социальным продуктом», разрабатываются и модифицируются в соответствии с историческими обстоятельствами [22. С. X].

В книге «Немецкая идея свободы» Л. Кригер обратился к исследованию причин слабости либеральной демократии в Германии. Он проследил развитие концепции свободы в XVIII – первой половине XIX вв. В этот период в Германии, с одной стороны, происходит усиление бюрократического абсолютизма, с другой – накапливается потенциал неизбежных перемен. Эти черты общественной жизни обусловили сочетание старого и нового в трудах таких выдающихся немецких мыслителей, как И. Кант, Г.В. Гегель, Г. Штайн, Ф. фон Харденберг и В. фон Гумбольдт. Слабость либеральной демократии заключалась в том, что в работах этих ведущих мыслителей идея свободы в Германии «ассоциировалась с сильным авторитарным государством», заключает Л. Кригер [39. С. X].

Несколько лет спустя Ф. Штерн и Дж. Моссе опубликовали свои исследования интеллектуальных истоков национал-социализма. Ф. Штерн представил результаты своей работы в книге «Политика культурного отчаяния: исследование немецкой идеологии». Он сосредоточил внимание на анализе взглядов трех представителей интеллектуальной элиты страны – П. де Лагарда, Ю. Лангбена и А.М. ван ден Брука, ставших предшественниками идеологии национал-социализма. Он утверждал, что историки в поисках причин национал-социализма исследовали всё – «от опасностей статьи 48 Веймарской конституции до роли крупного бизнеса», но они «недостаточно учитывали политически эксплуатируемое недовольство, которое так долго было встроено в немецкую культуру» [81. С. XV]. Ф. Штерн не считал возможным объяснить причины победы нацизма только процессами, происходившими в сфере культуры, но он подчеркивал, что без их учета сложно понять возникновение НСДАП и ее быстрый рост. П. де Лагард, Ю. Лангбен и А. Мёллер ван ден Брук были, по словам Ф. Штерна, яростными критиками капиталистического общества. Они критиковали либерализм, секуляризм, потребительство, индивидуализм, принцип свободной торговли, рыночную конкуренцию и парламентскую республику, нападали на прессу, обвиняя ее в коррумпированности, на политические партии как на агентов национальной розни, на правительство за неэффективную деятельность. Они протестовали против духовной пустоты жизни в городской коммерческой цивилизации и сетовали на упадок интеллекта и добродетели в массовом обществе, выражали глубокую озабоченность ростом рабочего движения. Вся эта критика была замешана на антисемитизме, пангерманизме и поиске «особого пути» развития Германии. Чем мрачнее была представленная ими картина настоящего, тем привлекательнее казалось прошлое, и они предавались ностальгическим воспоминаниям о жизни ранних сельских общин. Им хотелось совершить прыжок в прошлое. В главе, посвященной А. Мёллеру ван ден Бруку, Ф. Штерн показал, как выше перечисленные темы, усиленные опытом Первой мировой войны, поражением Германии, Ноябрьской революцией и становлением Веймарской республики, стали основой для создания теории «консервативной революции», призванной, по мнению ее творцов, возродить Германию.

Роковым для немецкой истории, по мнению Ф. Штерна, оказалось то, что национал-социалисты присвоили себе некоторые элементы этой идеологии, привлекавшей в том числе и «цивилизованные классы». Ф. Штерн вполне справедливо предположил, что «тысячи учителей в республиканской Германии, которые в молодости читали и поклонялись П. де Лагарду или Ю. Лангбену, были так же важны для победы национал-социализма, как и все предполагаемые миллионы марок, которые А. Гитлер получил от немецких магнатов» [81. С. 291]. Ф. Штерн рассмотрел личностные характеристики П. де Лагарда, Ю. Лангбена и А.М. ван ден Брука и пришел к выводу о наличии у них психических расстройств, вызванных семейным несчастьем или неспособностью добиться профессионального признания, что обусловило их чрезвычайное недовольство окружающим миром. Ф. Штерн предположил, что новобранцы национал-социализма были восприимчивы к их идеям и лозунгам именно потому, что тоже были «недовольными». Таким образом, возникает новый тип культурного недовольства, который вторгается в политику. «Национал-социалисты, – писал Ф. Штерн, – собрали миллионы недовольных, о существовании которых так долго говорили консервативные революционеры, и ради облегчения их положения они разработали такие опасные и иллюзорные идеалы» [81. С. XXX]. Ф. Штерн считал, что «консервативная революция была европейским явлением», но только в Германии она стала решающей интеллектуальной и политической силой.

Американские обозреватели высоко оценили «Политику культурного отчаяния» Ф. Штерна – как «важный вклад в понимание корней национал-социализма». К. Эпштейн писал в своей рецензии: «Его книга показывает, как немецкая элита была культурно подготовлена к нацизму, потому что пронацистские идеи долгое время считались respectable» [16].

В отличие от Ф. Штерна Дж. Моссе сосредоточил внимание не только на изучении идей немецких интеллектуалов, но и на массовой культуре. Он поднимает такие сложные вопросы, как психология социальных групп, влияние иррациональных мифов и символов, массовых мероприятий на формирование политических взглядов и национальной идентичности. Дж. Моссе пишет о возникновении после Великой французской революции «нового политического стиля», рассчитанного на проведение массовых театрализованных акций, производящих сильное эмоциональное впечатление. Цель таких мероприятий – закрепление мифов. В книге «Кризис немецкой идеологии», опубликованной в 1964 г., Дж. Моссе, в отличие от многих предшественников, утверждал, что нацизм имел массовую привлекательность, благодаря чему добился культурной и политической мобилизации миллионов немцев [56. С. 7]. Понять причины привлекательности нацизма можно, заглянув в историю Германии конца XIX – начала XX в., когда широкое распространение приобрели консервативные идеи *Völkisch*. По мнению исследователя, распространение идей *Völkisch* не только отличало Германию от Великобритании и Франции, но и определило специфические черты нацизма по сравнению с другими формами европейского фашизма. Отличие заключалось в «особом взгляде на человека и общество» [56. С. 1]. По мнению Дж. Моссе, тесная связь национализма с идеологией *Völkisch* обусловила ярко выраженный антисемитизм в идеологии германского фашизма, позволивший А. Гитлеру «превратить революционные устремления и недовольство большей части населения в антиеврейскую революцию...», найдя в «еврее» символ всего того, что идеологи “*Völkisch*” презирали в современном мире», воспевая доиндустриальную эпоху, мистическое чувство природы и родины, а также создание нового человека» [56. С. 301]. В «Кризисе немецкой идеологии» Дж. Моссе уделял значительное внимание системе образования как важнейшему институту распространения идей *Völkisch*.

В статье «На пути к общей теории фашизма» [57] Дж. Моссе изложил в сжатом виде свои работы «Кризис идеологии Германии» и «Национализация масс на пути к окончательному решению» [58]. Он отмечает значительный рост в Европе в конце XIX – начале XX вв. влияния идеологии национализма, назвав этот период эпохой «национализации масс», которая стала ответом консервативных сил на рост демократического движения, угрожавшего их гегемонии. Дж. Моссе рассматривает фашизм как революционное движение, противостоящее парламентаризму, идеологическому плюрализму, традициям, стирающее различия между общественной и частной жизнью, призывающее к массовой мобилизации, и, обещающего осуществить утопическую идею «третьего пути».

Отцом-основателем научного изучения национализма по праву считается Х. Кон. В 1955 г. вышла его работа «Национализм: значение и история» [38]. Он определяет национализм как «состояние ума, акт сознания преобладающего большинства какого-либо народа, убежденного, что высшей ценностью личности должно быть национальное государство». Появление национализма Х. Кон относит ко второй половине XVIII в. Одной из важных причин появления национализма, по мнению исследователя, стало возникновение третьего сословия, которое стремится сломать традиционализм в экономической жизни, порвать с традицией на идеологическом уровне и представлять не только новый класс и его интересы, но и весь народ. В Великобритании, Франции и Соединенных Штатах, где третье сословие набрало силу уже в XVIII в., национализм проявил себя в основном в политических и экономических изменениях. Х. Кон называет его «западным национализмом». Там же, где третье сословие было слабым, как, например, в Германии, Италии и у славянских народов, возник так называемый «восточный национализм», который выразился преимущественно в культуре. Поначалу этот культурный национализм концентрировался не на идее национального государства, а на культивировании народного духа (*Volksgeist*) и проявлялся в литературе, фольклоре, в родном языке и в истории. Укрепление третьего сословия, наряду с политическим и культурным пробуждением масс, в течение XIX в. привело к тому, что культурный национализм постепенно перерос в стремление к формированию национального государства. Фашизм часто рассматривается как последствие радикализации национализма в XX в. Фашизм, бескомпромиссный враг западной цивилизации, подтолкнул национализм к той самой черте, к тоталитарному национализму, в котором общество и индивидуум растворяются и не остается ничего, кроме национальности – единственной и единой. Х. Кон подчеркивал особую историческую роль, которую сыграли немецкие ученые, и особенно историки, в формирова-

нии антидемократических и антизападных настроений. Поэтому, утверждал он, вопрос о том, будут ли они теперь способствовать интеграции Западной Германии в демократическое западное сообщество, является столь важным [37].

Веймарская республика

История Веймарской республики, подвергавшаяся нападкам как правых, так и левых радикалов, не могла не волновать немецких историков-эмигрантов. В 1946 г. было опубликовано исследование профессора Чикагского университета, главного редактора «Журнала современной истории» У. Гальперина «Германия попробовала демократию. Политическая история германского государства 1918–1933 гг.» [26]. У. Гальперин сосредоточил внимание на политических, экономических и социальных событиях, происходивших в период Веймарской республики. Главные защитники республики, по мнению автора, – социал-демократы. Вместе с тем У. Гальперин обоснованно утверждал, что реформистский (а не революционный) курс, который проводила СДПГ в течение переходного периода от империи к республике, представлял собой серьезную ошибку с далеко идущими последствиями. «Честные, благонамеренные люди из Социал-демократической партии совершали одну ошибку за другой. Путаница и малодушие отмечали их извилистый путь. В то время как они ошибались, законченные враги республики – юнкеры, милитаристы и часть промышленной плутократии – продолжали безнаказанно... снижать активность профсоюзов и вносить роковой раскол в ряды немецких трудящихся, что нанесло огромный вред демократии» [26. С. V].

Г. Крейг охарактеризовал исследование У. Гальперина как «самое ясное и всестороннее введение в политику периода, который он охватывает» [11. С. 107]. Отрицательную оценку работе У. Гальперина дал Р. Дж. Хоффман, историк Фордхэмского университета, обвинивший У. Гальперина в предвзятом отношении к консервативным элитам, которые, как утверждал У. Гальперин, сыграли важную роль в назначении А. Гитлера канцлером в 1933 г. Р. Дж. Хоффман напоминал, что эти элиты в конце концов пытались убить Гитлера в 1944 г. и что главную ответственность за крах Веймарской республики несут немецкие коммунисты, которые поддерживали приход Гитлера к власти, веря в то, что это ускорит их победу. Консерваторы же были подлинными противниками национал-социализма, придерживаясь традиционных приличий, свобод и здравого смысла западной христианской цивилизации. Он также настаивал на том, что «финансовая расточительность и чрезмерное социальное законодательство» социал-демократов способствовали упадку демократии» [29. С. 129]. Эта оценка Р. Дж. Хоффмана была созвучна оценкам, представленным в тот период в работах немецких консервативных историков, таких как Г. Риттер, Г. Ротфельс и позже К. Д. Эрдманн.

В 1968 г. профессор Колумбийского университета П. Гей опубликовал работу «Веймарская культура: аутсайдер как инсайдер» [23]. Исследование было выполнено как ответ на студенческие волнения, фрагментацию общества и политические выступления интеллектуалов, требующих перемен в 1960-е гг. Эти события напоминали немецким историкам-эмигрантам аналогичные выступления в годы Веймарской республики. К. Шорске, автор знаменитой работы о венской культуре на рубеже XIX–XX вв. [67], в обзоре публикаций о Веймарском периоде для Нью-Йоркского книжного обозрения писал: «Для нас сегодня поразительна не отвратительная странность веймарского общества, но наша близость к нему» [68].

Исследование П. Гея – это драматическая реконструкция интеллектуальной и культурной жизни республики, главным содержанием которой является битва между рациональностью и иррациональностью. Подзаголовок книги «Аутсайдер как инсайдер» отражает тезис П. Гея о том, что аутсайдеры – евреи, социалисты и демократы – стали инсайдерами, т. е. лицами, играющими видную роль в культуре Веймара, что вызывало ненависть консервативных сил. Конфликт, описанный З. Фрейдом, между «отцами» и «сыновьями» стал, по мнению П. Гея, причиной психологической драмы республики. Сыновья были вдохновлены юношеским желанием отказаться от проверенных временем идей и институтов. Отцы были «идеологами, которые сожалели о потере традиций и о потерянной империи». Их месть начала набирать силу с 1925 г. – после избрания П. фон Гинденбурга рейхспрезидентом [23. С. VII]. Говоря о восстании сыновей и мести отцов, П. Гей стремится передать эмоциональный фон, имевший место в Германии до прихода Гитлера к власти. П. Гей опровергал мнение историков, которые преуменьшали роль психологии и идей в политике: «Отношения к старому и новому порядку были не просто масками, скрывающими экономические интересы, но проявлением глубоких чувств веры в идеалы и сожаления о них» [23. С. VIII]. По мнению П. Гея, сыновья, критикуя обще-

ственный порядок, не смогли взять на себя ответственность за его будущее. Исследователь не только проанализировал уроки Веймарской республики, но четко выразил мысль о том, какую большую опасность представляет безответственный радикализм оппозиции.

Нацизм и немецкая экономическая, военная и интеллектуальная элита

Весьма характерно, что в литературе США, начиная с первых послевоенных лет, не было табу на освещение роли армейской верхушки, крупных германских промышленников в установлении нацистской диктатуры и развязывании войны. Оценки, представленные в работах многих американских исследователей, были близки к марксистским. Сыграли роль суды над представителями бизнеса, осуществляемые американской военной администрацией в Германии после Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками, а также участие историков в подготовке этих процессов. Лично участвовавший в расследовании деятельности «ИГ Фарбениндустри» Р. Сэсюли на основе широкой документальной базы рассмотрел роль концерна в подготовке Германии к военным действиям и его преступную деятельность в годы Второй мировой войны. Он указал на преемственность целей Германии в двух мировых войнах: военные и промышленные лидеры вышли из одной войны, начав думать о другой [93. С. 39]. По мнению автора, А. Гитлер не мог бы развязать войну без поддержки «ИГ Фарбениндустри» и ряда других крупных концернов и картелей.

Аналогичная точка зрения была представлена в книге «Все достойные люди: история людей по обе стороны Атлантики, которые успешно сорвали планы по ликвидации нацистской системы картельных объединений» [48]. Ее автор Д.С. Мартин, прокурор Министерства юстиции США, после Второй мировой войны занимал пост начальника Отдела декартелизации военного производства Германии. Документы, которые были в его распоряжении, свидетельствовали не только о поддержке немецким бизнесом прихода Гитлера к власти, но и о неблагоприятной политике со стороны бизнесменов Уолл-стрит, которые продолжали сотрудничество с немецкими корпорациями, будучи осведомленными об их сотрудничестве с нацистской партией. Таким образом, жадность Уолл-стрит, интеграция американского капитала в нацистскую экономику привели к тому, что вопреки политике правительства США они оказывали помощь Гитлеру. Усилия Д.С. Мартина по декартелированию не увенчались успехом. В заключение он с глубоким сожалением констатирует, что в Германии политика декартелирования была остановлена не немецким бизнесом, а американским.

Широкое распространение получает версия о политическом заблуждении немецких бизнесменов, оказывавших финансовую помощь нацистской партии. «Юнкеры и монополисты верили в то, что они будут контролировать этого странного лидера, который поможет им держать массы в повиновении, но они очень мало знали об истинной натуре этого человека, которого решили поддержать» [76. С. 41].

В 1946 г. профессор университета Индиана А. Швейцер опубликовал статью «Большой бизнес и частная собственность при нацистах» [69]. Проанализировав имеющиеся документы, он показал, что поддержка Гитлера крупным бизнесом и генералитетом стала решающим фактором в разрушении Веймарской республики и установлении нацистской диктатуры. Целью «крупного бизнеса» было прекращение вмешательства государства в экономику и разгром рабочего движения. Они надеялись сохранить свою автономию и усилить влияние на государственные структуры, но нацистская партия постепенно заняла все стратегические позиции в экономике ... Бизнес был вытеснен на второй план ... Бизнесмены должны были быть политически надежными, расово здоровыми и разделяющими империалистические цели нацистского руководства. Государство могло в любое время конфисковать частную собственность с компенсацией или без нее. Кроме того, нацистское государство регулировало деятельность частных предприятий для достижения своих целей. Нацисты позволили бизнесменам получать значительную прибыль в обмен на их поддержку политических и военных целей правительства. Эти оценки получили дальнейшее развитие в исследовании А. Швейцера «Крупный бизнес в Третьем Рейхе» [71. С. 288]. Книга охватывает период с 1933 по 1936 г., который автор характеризует как «неполный фашизм». По его мнению, нацисты вынуждены были делить власть с крупным бизнесом и военными. А. Швейцер считает, что Гитлер мог быть остановлен в 1936 г., но военным и бизнесу не хватило ума, мужества и воли, чтобы использовать свои рычаги власти против него. Не получив должного отпора, Гитлер совершил экономическую революцию, полностью подчинив себе бизнес и вермахт. С принятием четырехлетнего плана возникла новая группа «сотрудничающего бизнеса», в которую вошли «ИГ Фарбениндустри», концерн Крупа, которые надеялись получить значительные прибыли от тесного сотрудни-

чества с нацистами. С 1936 г., считает А. Швейцер, наступает фаза полного фашизма. Таким образом, автор дважды возлагает ответственность на крупный бизнес и генералитет за приход А. Гитлера к власти и предоставление ему возможности развязать Вторую мировую войну.

В 1952 г. в свет вышла книга известного американского юриста Т. Тейлора, бывшего обвинителя на 9-ом малом Нюрнбергском процессе «Меч и свастика: генералы и нацисты в Третьем Рейхе». По мнению автора, офицерский корпус был последней надеждой тех, кто надеялся восстановить свободу и сохранить мир, но эта надежда была предана. Немецкие генералы, не оказав сопротивления, подчинились Гитлеру и продали себя и свою страну в рабство [82. С. IX].

Немецкие университеты и их ответственность за приход нацистов к власти

В этот период многие американские исследователи, в том числе немецкие историки-эмигранты, философы Т. Адорно и Х. Арндт, были убеждены в том, что нацизм был продуктом необразованного низшего среднего класса, а немецкая «высокая» культура» не была вовлечена в процесс его становления [5. С. 111-112].

В 1947 г. вышла работа профессора Калифорнийского университета в Беркли Ф. Лилге «Злоупотребление образованием: провал немецкого университета», ставшая первым исследованием роли университетов Германии в становлении национал-социализма. Автор проследил развитие системы университетского образования с открытия Берлинского университета в 1810 г. Он рассмотрел отношения университетов с властными структурами, влияние на немецкое образование И.В. Гёте, И.Г. Фихте, Ф. Ницше и О. Шпенглера. Ф. Лилге показал, как университетские традиции постепенно пришли в упадок и высшие учебные заведения стали рассадниками нацистской идеологии. Нацисты нашли «большую поддержку среди уважаемых, образованных людей», заключает Ф. Лилге [45].

Аналогичное по тематике исследование подготовил Ф. Рингер – «Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии 1890–1933» [92]. Работа Ф. Рингера посвящена анализу мировоззрения университетских преподавателей, в частности исследованию их реакции на стремительную индустриализацию страны. Для немецкого академического сообщества это был период непрерывных потрясений. Для многих мыслителей того времени индустриализация представляла материальный прогресс, который, как они считали, был серьезной угрозой культуре. Они рассматривали себя как элиту немецкой культуры, которая находится в опасности, и всеми силами боролись против Веймарской республики. Университетские профессора были напуганы новым фанатизмом национал-социалистов, но их реакция была весьма вялая. «Пылкому радикализму молодых они пытались противопоставить всего-навсего привычную осмотрительность традиционно мыслящего старшего поколения; жестокости новой политики – собственное чувство интеллектуального самосовершенствования», – пишет Ф. Рингер [92. С. 525-526]. Когда в 1933 г. нацисты установили полный контроль над немецкими университетами, сопротивление было слабым. Принцип фюрерства покончил с университетским самоуправлением. В Третьем рейхе не было неприкосновенных профессорских должностей. Достаточно было чем-то не угодить властям, чтобы потерять и место, и пенсию. «Поведение ученых мужей перед лицом подобных опасностей резко контрастировало с возвышенным идеализмом, который они обычно проповедовали», – констатирует автор [92. С. 530]. Рассматривая степень вины немецкой профессуры в национал-социалистической катастрофе, Ф. Рингер отвергает мнение о том, что немецкие ученые несут прямую ответственность за слова и дела нацистов, как и утверждение о том, что немецкая элита всячески старалась защитить национальное наследие от сил, в итоге одержавших победу в 1933 г. По мнению исследователя, они виноваты скорее в бездействии, чем в действии. Но ответственность их велика. Они принимали участие в разрушении республики, не думая о том, что придет ей на смену.

Холокост

Была еще одна важная проблема, которую подняли историки-эмигранты, – Холокост. Тема Холокоста не приветствовалась ни властными структурами США, ни значительной частью научного сообщества. Причины отрицательного отношения к трагедии еврейского народа объяснялись в те годы наличием сегрегации, расового неравенства в самих США. Одним из первых исследователей Холокоста был Р. Хилберг. Он получил образование в США и заведовал кафедрой в Университете Вермонта в Барлингтоне. Р. Хилберг эмигрировал из оккупированной нацистами Австрии. В 18 лет был

призван в армию США и воевал на фронте. После окончания войны был привлечен к работе над трофейными документами. На основе широкого круга нацистских документов он подготовил исследование «Уничтожение евреев Европы» [28]. Причины Холокоста Р. Хилберг не сводил к антисемитским предубеждениям части населения Германии, говоря о том, что антисемитизм в Восточной Европе был распространен значительно сильнее [28. С. 208]. По его мнению, Холокост был вызван стремлением государственной бюрократической машины найти любого врага. К Холокосту он относил не только уничтожение евреев, но и армян, цыган и других народов [87].

Взаимодействие с историками ФРГ

Влияние западной политической культуры на немецкое общество в первое десятилетие после окончания Второй мировой войны было существенным. Факт того, что западная демократия и западная либеральная рыночная экономика оказались гораздо более эффективными, чем их тоталитарные конкуренты, убедили новое поколение немцев взять на себя обязательство бороться за преобразование немецкого общества в соответствии с принципами западной демократии. Именно в этот момент влияние западной, особенно американской, исторической науки имело первостепенное значение.

Немецкие историки-эмигранты видели свою задачу в том, чтобы помочь историкам ФРГ в модернизации исторической науки. В своих работах они представили новое критическое видение ключевых проблем германской истории. Мужественно и честно они показали всё мрачное и косное, душившее развитие свободной и демократической Германии. Западногерманские исследователи часто обвиняли их в отсутствии должного сочувствия к своей родине. Но то, что они делали, было чрезвычайно важно для перевоспитания и внутреннего преобразования немецкого народа.

Как правило, историки США поддерживали немецких историков, представлявших критические взгляды на германскую историю. В 1960-е гг. они встали на защиту автора книги «Рывок к мировому господству» Ф. Фишера, который на основе обширной документальной базы раскрыл наступательные цели Германии и указал на их преемственность в двух мировых войнах, тем самым оспорив распространенную в историографии ФРГ концепцию Третьего рейха как «несчастливого случая». Западногерманские историки крайне негативно оценили работу Ф. Фишера. Весной 1964 г. противники Ф. Фишера добились отмены финансирования его поездки в США для чтения лекций. Только благодаря усилиям Г. Крейга, Х. Холборна и Ф. Штерна поездка состоялась. В том же году Ф. Штерн, выступая на съезде Немецкой исторической ассоциации, поддержал позицию Ф. Фишера.

В начале 1950-х гг. в ФРГ был создан Институт современной истории в Майнце, с которым ученые из США установили тесные контакты. В 1946 г. была принята Программа Фулбрайта, призванная обеспечить международные образовательные обмены для студентов, ученых, преподавателей. В 1948 г. Конгресс США принял Закон «Об обмене в сфере информации и образования», который предусматривал информационный и образовательный обмен. В 1952 г. на основе Программы в США для учебы в университетах прибыла первая группа студентов-историков из ФРГ [35]. В 1967 г. Гарвардский университет учредил Мемориальную стипендию Джона Ф. Кеннеди для студентов, проходивших обучение или стажировку в США. В программах обмена участвовали Х.-У. Велер и К. Швабе, Ф.Р. Бергхана, Ю. Кокка, ставшие впоследствии ведущими историками ФРГ. В 1960-е гг. американские университеты приглашают на работу молодых немецких историков. Американские историки приглашаются читать лекции в университеты ФРГ. Эти обмены заложили основу для установления рабочих контактов между учеными США и ФРГ, что позволило уже к концу 1960-х гг. преодолеть разрыв между историческими науками двух стран, который неуклонно увеличивался со времен Первой мировой войны. Постепенно возникла единая научная среда, в которой конкурирующие исследовательские школы и противоречивые мнения исследователей больше не определялись национальными границами.

Заключение

Немецкие историки эмигранты, несмотря на все трудности, связанные с переездом в другую страну, преодолением языкового барьера, смогли получить работу в ведущих университетах и стать основоположниками современной германистики в США. Вместе с американскими коллегами они определили основные направления изучения германской истории, внесли значительный вклад в изучение таких проблем, как преемственность в истории Германии, причины слабости либерализма, роль

крупного бизнеса, юнкерства и армейской верхушки в приходе Гитлера к власти, интеллектуальные и культурные корни нацизма. Историки-эмигранты сделали много для выстраивания трансатлантического диалога между немецкими историками и историками США, тем самым способствуя процессу демократизации исторической науки в Федеративной Республике Германии посредством критического переосмысления немецкого прошлого, обновления методологического инструментария исторических исследований, стажировок немецких исследователей в американских университетах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Anderson E. Review of Meinecke *Katastrophe* // *Journal of modern history*. 1949. No. 21. P. 151-53.
2. Anderson E.N. *Social and Political Conflict in Prussia, 1858–1864*. Lincoln, Univ. Of Nebraska Press, 1954. 445 p.
3. Arendt H. *The origins of totalitarianism*. New York: Schocken books, 1951. 704 p.
4. Aschheim S. George Mosse at 80: A Critical Laudatio // *Journal of Contemporary History*. 1999. Vol. 34, no. 2. P. 295-312.
5. Aschheim S.E. *Culture and Catastrophe: German and Jewish Confrontations with National Socialism and Other Crises*. New York: Palgrave Macmillan UK, 1996. 210 p.
6. Aschheim S. *Nazism, Normalcy and the German Sonderweg / Times of Crisis: Essays on European Culture, Germans, and Jews*. Madison, 2001. P. 276-292.
7. Barkin K.D. *German émigrés historians in America: The Fifties, Sixties and Seventies / An Interrupted Past. German-Speaking Refugee Historians in the United States after 1933*. H. Lehmann and J.J. Sheehan (eds.) / Cambridge, 1991. 248 p.
8. Bronner S.E. *Imagining the Possible: Radical Politics for Conservative Times*. Routledge, 2013. 192 p.
9. Buhle P. *The Tragedy of Empire: A Biography of William Appleman Williams*. New York: Routledge? 1995. 306 p.
10. Craig G. Review of Meinecke *Katastrophe* // *American Political Science review*. 1950. No. 44. P. 1029-1031/
11. Craig G. Review of S. William Halperin, *Germany Tried Democracy* // *Journal of Modern History*. 1964. Vol. 36, no. 1. P. 106-107.
12. Craig G. *The Politics of the Prussian Army, 1640-1945*. Oxford University Press, 1964. 560 p.
13. Daum A.W. *Refugees from Nazi Germany as Historians. Origins and Migrations, Interests And Identities / A. Daum, H. Lehmann, J.J. Sheehan (eds.). The Second Generation. Emigres from Nazi Germany as Historians*. New-York, 2016. 473 p.
14. Epstein C. *A Past Renewed: A Catalogue of German-Speaking Refugee Historians in the United States after 1933*. Cambridge, United Kingdom, 1993. 400 p.
15. Epstein C. *The second generation: Historians of modern Germany in postwar America*. Lecture delivered at the GHI conference «THE second generation: German émigré historians in the Transatlantic world, 1945 to the present», May18, 2012. *Bulletin of the GHI*, 51. Fall 2012.
16. Epstein K. Review of Fritz Stern, *The Politics of Cultural Despair: A Study in the Rise of the Germanic Ideology* // *American Historical Review*. 1962. Vol. 67. P. 713.
17. *Explorations in Crisis Papers on International History / L.W. Langer, C.E. Schorske, E. Schorske (Eds.)* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1969. 517 p.
18. Fay S.B. *The Origins of the World War*. New York, 1929. Vol. I. 630 p.; Vol. II. 553 p.
19. Ford F. *The Twentieth of July in the History of the German Resistance»* // *American Historical Review*. 1946. Vol. 51, no. 4. P. 609–626.
20. Friedrich C.J., Brzezinski Zb. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1965. 438 p.
21. Gatzke H.W. *Germany's Drive to the West: A Study of Germany's War Aims during the First World War*. Baltimore, 1950. 316 p.
22. Gay P. *The Party of Humanity: Essays in the French Enlightenment*. New York: Alfred Knopf, 1964. 289 p.
23. Gay P. *Weimar Culture: The Outsider as Insider*. New York, 1966. 240 p.
24. Gilbert F. Review of Gerhard Ritter, *Geschichte als Bildungsmacht. Ein Beitrag zur historischpolitischen Neubesinnun* // *American Historical Review*. 1948. Vol. 53. P. 788.
25. Hale O.J. *The Captive Press in the Third Reich*. Princeton University Press, 1964. 368 p.
26. Halperin W. *Germany Tried Democracy: a Political History of the Reich from 1918 to 1933*. New York, 1946. 567 p.
27. Hayes C.J. *The American Frontier–Frontier of What?* // *American Historical Review*. 1945. Vol. 51. P. 199-216.
28. Hilberg R. *The Destruction of the European Jews*. Chicago: Quadrangle Books, 1961. 788 p.
29. Hoffman R.J. Review of S. William Halperin. *Germany Tried Democracy* // *Political Science Quarterly*. 1947. Vol. 62, no. 1. P. 128-130.
30. Holborn H. *Germany and Europe: Historical essays*. Doubleday, 1970. 327 p.
31. Holborn H. *History of Modern Germany: The Reformation*. New Work, 1964. 416 p.

32. Holborn H. Der deutsche Idealismus in sozialgeschichtlicher Beleuchtung // *Historische Zeitschrift*. 1952. Vol. 174. S. 359-384.
33. Iggers W., Iggers G. *Two Lives in Uncertain Times: Facing the Challenges of the 20th Century as Scholars and Citizens*. New York, 2006. 230 p.
34. Katz B. *Foreign Intelligence: Research and Analysis in the Office of Strategic Services*. Cambridge, MA, 1989. 268 p.
35. Kellermann H.J. *Cultural Relations as an Instrument of U.S. Foreign Policy: the Educational Exchange Program Between the United States and Germany, 1945–1955*. Washington, D.C., 1978. 289 p.
36. Kohn H. *Communist and Fascist Dictatorship: A Comparative Study* University of Minnesota Press, 1935. 160 p.
37. Kohn H. *German History: Some New German Views*. Boston: The Beacon Press, 1954. 224 p.
38. Kohn H. *Nationalism, Its Meaning and History*. Krieger, 1965. 191 p.
39. Krieger L., Stern F. Introduction. L. Krieger, F. Stern (eds.) // *The Responsibility of power. Historical Essays in Honor of Hajo Holborn*. New York, 1967. 464 p.
40. Krieger L. *The German Idea of Freedom: History of a Political Tradition*. Boston, 1957. 540 p.
41. Lamberti M. German Antifascist Refugees in America and the Public Debate on “What Should be Done with Germany after Hitler?” 1941–1945 // *Central European History*. 2007. Vol. 40. P. 279–305.
42. Leeman M.M. *Transatlantic Enlightenment: Peter Gay and the drama of German history in the United States, 1930s – 1970s* Universiteit van Amsterdam, 2017. 307 p.
43. Leeman M. The transatlantic reconstruction of «western» culture: George Mosse, P. Gay, and the Development of the German tradition of Geistesgeschichte More Atlantic Crossings? // *European Voices and the Postwar Atlantic Community Bulletin Supplement*. 2014. Vol. 10. P. 139-159.
44. Lehmann H. Hans Rogger as a Second Generation Refugee Historian // *Jewish Social Studies*. 2004. Vol. 11. P. 25-31.
45. Lilge F. *The Abuse of Learning: The Failure of the German University*. New York: The Macmillan Company, 1948. 184 p.
46. Loewendeg P. The psychohistorical origins of the Nazi Germany youth cohort // *American Historical Review*. 1971. Vol. 76, no. 5. P. 1457-1502.
47. Mann E., Mann K. *The Other Germany*. New York: Modern Age Books, 1940. 318 p.
48. Martin J.S. *The story of the men on both sides of the Atlantic who successfully thwarted plans to dismantle the Nazi cartel system*. Boston, Little Brown and Company, 1950. 368 p.
49. McGovern W. M. *From Luther to Hitler. The History of Fascist-Nazi Political Philosophy*. Boston: Houghton Mifflin Co., 1941. 683 p.
50. Meinecke F. *The German Catastrophe: Reflections and Recollections*. Cambridge, MA, 1950. 121 p.
51. Meyer A. The comparative study of Communist political system // *Slavic review*. 1967. No. 1. P. 3-12.
52. Miller F.T. *History of World War II*. Universal Book and Bible Hous, 1945. 966 p.
53. Molho A. Wood G.S. *Imagined Histories: American historians Interpret the Past*. Princeton University Press, 1998. 512 p.
54. Mosse G.L. *European Culture 1600 to 1800: lectures, undated (probably late 1950s)*, George L. Mosse Collection; AR 25137; box 19; folder 41; Leo Baeck Institute, qtd. in Plessini, *Perils of Normalcy*, 72.
55. Mosse G.L. *Nazism. A Historical and Comparative Analysis of National Socialism: An Interview with Michael A. Ledeen*. Oxford : Basil Blackwell, 1978. 108 p.
56. Mosse G.L. *The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich*. New York. Grosset and Dunlap. 1964. 373 p.
57. Mosse G.L. *The Fascist Revolution: Toward a General Theory of Fascism*. Howard Fertig, 1999. 230 p.
58. Mosse G.L. *The Nationalization of the Masses: Political Symbolism and Mass Movements in Germany from the Napoleonic Wars through the Third Reich*. New York: Howard Fertig, 1975. 252 p.
59. Niall F. *Kissinger Henry. 1923-1968: The Idealist*. New York, 2015. 1008 p.
60. Patner A. Karl Joachim Weintraub – Teacher of Culture and Cultural Historian – 1924-2000. URL: <http://www-news.uchicago.edu/releases/04/040421.weintraub-patner.shtml>.
61. Read C. The social responsibilities of the historian // *American historical review*. 1950. No. 2. P. 275-285.
62. Pflanze O. Bismarck and German Nationalism // *American Historical Review*. 1955. Vol. 60. P. 548-566.
63. Pflanze O. The Americanization of Hajo Holborn. In *An Interrupted Past: German Speaking Refugee Historians in the United States after 1933* / H. Lehmann, J. Sheehan (eds). Cambridge, UK, 1991. P. 170-179.
64. Pflanze O. Toward a psychoanalytic interpretation of Bismarck // *American Historical Review*. 1972. Vol. 77, no. 2. P. 419-444.
65. Rosenberg H. *Bureaucracy, Aristocracy and Autocracy: The Prussian Experience 1660–1815*. Cambridge, Harvard University Press, 1958. 266 p.
66. Rosenberg H. *Grosse Depression und Bismarckzeit. Wirtschaftsablauf, Gesellschaft und Politik in Mitteleuropa*, Berlin, 1967. 301 p.
67. Rothfels H. *The German Opposition to Hitler: An Appraisal*. Hinsdale, Illinois: Henry Regnery Company, 1948. 172 p.
68. Schorske C.E. *Fin-de-Siecle Vienna: Politics and Culture*. Cambridge, 1961. 432 p.

69. Schorske C.E. Weimar and the Intellectuals // *The New-York Review of Books*, 7 May 1970.
70. Schweitzer A. Big business and private property under the Nazis // *The Journal of business of the university of Chicago*. 1946. Vol. 19, no. 1. P. 99-126.
71. Schweitzer A. *Big Business in the Third Reich*, Bloomington, Indiana University Press, 1964. 739 p.
72. Shanahan W.O. *Prussian Military Reforms 1786–1813*. New York: Columbia University Press, 1945. 270 p.
73. Shannon Ch. *A World Made Safe for Differences*. New York, Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2001. 155 p.
74. Simon W.B. *The Failure of the Prussian Reform Movement, 1807–1819*. Ithaca, NY, Cornell University Press, 1955. 272 p.
75. Smith L.S. *The Expert's Historian: Otto Hintze and the Nature of Modern Historical Thought* Wipf and Stock Publishers, 2017. 132 p.
76. Snyder L.L. *Hitler and Nazism*. NY: F. Watts, 1961. 151 p.
77. Snyder L.L. Review of Meinecke *Katastrophe* // *Annals the American Academy of Historical and Social Studies*. 1950. No. 271.
78. Sorkin D. *Historian of Fate: Fritz Stern on the History of German Jewry: An Appreciation* / M.F. Deshmukh, J.Z. Muller (eds.). *Fritz Stern at Seventy*. Washington D.C., 1997. 94 p.
79. Stelzel P. *History after Hitler: A Transatlantic Enterprise*. *Intellectual History of the Modern Age Series of University of Pennsylvania Press*, 2018. 248 p.
80. Stern F. *German History in America, 1884–1984* // *Central European History*. 1986. Vol. 19, no. 2. P. 131-163.
81. Stern F. *The Politics of Cultural Despair: A Study in the Rise of the Germanic Ideology*. Berkeley and Los Angeles, 1961. 367 p.
82. Suri J. *Henri Kissinger and the American Century*. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press. 2009. 368 p.
83. Taylor T. *Sword and Swastica: Generals and Nazis in the Third Reich*. New York, Simon and Schuster, 1952. 413 p.
84. *The many faces of Germany: Transformations in the study of German culture* / J.A. McCarthy, W. Grunzweig, Th. Koebner (Eds). Berghahn books, 2004. 411 p.
85. *The Past Before Us: Contemporary Historical Writing in the United States* / M. Kammen (ed.). Ithaca and London, 1980. 524 p.
86. Weinberg G. L. *German Documents in the United States* // *Central European History*. 2008. Vol. 41. P. 555–567.
87. *What History Tells: George Mosse and the Culture of Modern Europe* / S. Payne, D.J. Sorkin, J.S. Tortorice (eds.). Madison: University of Wisconsin Press, 2004. 292 p.
88. Wilcox L.D., Oron J. *Hale 1902–1991* // *Central European History*. 1990. Vol. 23. P. 379-382.
89. Winkler H.A. *A pioneer in the historical sciences: Hans Rosenberg 1904–1988* // *Central European History*. 1991. Vol. 24, no. 1. P. 1-23.
90. Апт С.К. *Томас Манн*. Мюнхен, 2004. 174 с.
91. Дорфман М. *Говорят, что причиной Холокоста стал антисемитизм. Это ерунда! Памяти Рауля Хилберга (1926–2007)*. <https://scepsis.net>.
92. Рингер Ф. *Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии 1890–1933*. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 648 с.
93. Сэсюли Р. *ИГ Фарбениндустри*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1948. 238 с.

Поступила в редакцию 15.11.2019

Сергеенкова Инна Федоровна, кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии, международных отношений и всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: sergeenkova.inna@yandex.ru

I.F. Sergeenkova

**GERMAN EXPAT HISTORIANS AND THEIR ROLE IN THE DEVELOPMENT
OF THE AMERICAN HISTORIOGRAPHY OF THE NATIONAL-SOCIALISM IN 1940–1960s**

DOI: 10.35634/2587-9030-2019-3-4-483-502

The scientific migration from the Nazi Germany to the USA is the subject of close attention by experts who study development of historical science in the USA and, in particular, such a trend as History of Germany. In the USA before the second half of the XXth century not much attention was paid to the history of European countries, and a few researches on the history of Great Britain and France are just some isolated examples. Expat historians had changed the situation. The article presents an analysis of political views of German historians who left for the USA after Nazis had

come to power. German expat historians are divided into two groups: 1. emigrants of “the first wave” who earned their qualification in History in Germany and worked as instructors at German universities; and 2. emigrants of “the second wave” who were brought to the USA by their parents and obtained education in the host country. Along with the financial support the US government provided the German emigrants with an opportunity to continue their scientific and educational activities. The research activities by German expat historians embraced such a significant topic as the reasons of Nazis’ coming to power. The most important trends of their research are: sustainability of the historical pattern of Germany, the so called ‘extraordinary path’; the reasons for the Weimar Republic collapse; the role of the upper middle class and the army leadership as well as the intellectual elite of Germany in Hitler’s coming to power; the intellectual origin of Nazism; the ideas of ‘the conservative revolution’; the mass culture. Expat historians were the first ones who turned to the issues of ‘Holocaust’. The article reveals the influence of ‘the Cold War’ and the doctrine of totalitarianism on the study of Nazism. The article touches upon the problems of interaction between expat historians and their colleagues in the Federative Republic of Germany and the impact the former made on modernization of the historical science in the West Germany.

Keywords: historical science of the USA, universities, expat historians, study of Nazism, ‘the Cold War’, West German historians.

Received 15.11.2019

Sergeenkova I.F., Candidate of History, Associate Professor
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: sergeenkova.inna@yandex.ru